

От выпускающих редакторов

Что значит — *сформировать взгляд* в пси-науках? Каким образом психическое становится наблюдаемым: для исследователя — в виде данных, описаний и классификаций, а также для самого субъекта — в виде привычного языка самоописания? Какие техники наблюдения и самонаблюдения, критерии истинности и институциональные процедуры делают психику видимой — и тем самым создают ее как объект знания и терапевтического вмешательства?

Тематический выпуск «*Формирование взгляда: эпистемология пси-наук*» был задуман как исследование именно этих механизмов: того, как знание о психическом возникает, закрепляется, передается, оспаривается и — что особенно важно — меняет собственные объекты. Нас интересует не соперничество школ и не история поиска «лучшего метода», а то, как устроены *режимы наблюдения* и *режимы говорения*, позволяющие определить, что именно будет считаться фактом, а что — ошибкой, что — помощью, а что — насилием; где проходит граница между описанием и оценкой; как устроены доказательность, авторитет и ответственность в пространстве терапевтического кабинета, лаборатории и клиники.

Материалы выпуска сгруппированы в два раздела, задающих две оптики, регулярно вступающие в перекрестный диалог. В первом разделе взгляд формируется «изнутри» — через практики самонаблюдения, терапевтическую рефлексии и механизмы передачи знаний и опыта внутри профессиональных сообществ. Во втором — «снаружи»: через клиническую и институциональную перспективу, учебники и подходов к описанию клинических случаев — через языки описания, которые превращают «другого» в пациента и закрепляют за ним определенную онтологию.

I. Психология и психоанализ / наблюдать за собой

Раздел «Психология и психоанализ / наблюдать за собой» открывает статья Светланы Динабург «*Делиберативные практики в психотерапии и трандисциплинарная коммуникативность*». Автор рассматривает эпистемологию психотерапевтического знания как поле, где философия науки, психология и помогающие практики взаимно переопределяют друг друга, — и где психика мыслится не только как внутренняя динамика,

но и как опыт, встроенный в культурные отношения. На фоне кризиса наук о психике, разрыва между теорией и практикой и распространения терапевтического языка в общественном дискурсе вновь ставится вопрос о статусе психотерапии: остается ли она прикладным продолжением психологической науки или становится самостоятельной формой знания со своими основаниями и критериями. Вместо спора об эффективности методов автор смещает фокус на профессиональное становление терапевта: делиберативные практики описываются как дисциплина рефлексии и обсуждения, позволяющая замечать собственные ошибки и ограничения; профессиональная и социальная делиберация при этом взаимно усиливают друг друга. Дискуссию о терапевтических результатах продолжает статья Павла Одинцова и Елизаветы Махневой в статье *«Дискуссия о клинической эффективности психоанализа: идеологические ставки и современные эмпирические исследования»*. Авторы обращаются к конфликту вокруг доказательности и ее идеологических рамок, вступая в осторожную полемику с идеей, что «недоказуемость» сама по себе гарантирует автономию психоанализа. Показано, что эмпирическое исследование возможно без редукции теоретической специфики анализа; обзор метаанализов и РКИ по психоанализу и долгосрочной психоаналитической психотерапии позволяет мыслить эффективность не как вынужденную «уступку», а как пространство пересмотра представлений о благе и границах терапевтических задач. К историческому основанию этих споров обращается Платон Лесухин в статье *«Концепции исцеления в раннем психоанализе»*. Реконструируя подходы Фрейда, Ференци и Райха, автор показывает, как ранний психоанализ обходился со страданием, с которым субъект не справляется самостоятельно, и почему этот вопрос предшествует институциональному оформлению психоанализа. Ранний Фрейд мыслит исцеление как предпосылку теории, поздний приходит к «терапевтическому реализму»; на этом фоне Ференци удерживает измерение надежды и обещания, а Райх радикализует проблему исцеления, связывая ее с культурно-политическим проектом сексуальной революции.

Переводы задают другой ракурс, прежде всего — как идея «наблюдения за собой» оформляется в процедуры и формы передачи знаний. Габриэл Тупинамба в эссе *«Пасс и передача психоанализа: от конца анализа к новым аналитическим формам»* (пер. Владислава Ростилова и Павла Одинцова) предлагает понимать пасс как особую форму анализа, связывающую индивидуальные траектории аналитиков с задачей преобразования сообщества; устройство передачи здесь определяет и политическое

измерение практики, и ее эпистемологические следствия. В статье Гэри Хэтфилда «*Объективация феноменального в экспериментальной психологии: Титчнер и не только*» (пер. Ирины Рыбаковой) показано, как через понятие «ошибки стимула» и контроль установок испытуемых «внутренний опыт» становится экспериментальным объектом. Завершает блок статья Магали Торней «*Грезить клиникой: коллекция сновидений медсестер Мюнстерлингена*» (пер. Егора Курышова): сновидения медсестер рассматриваются как архивный след клинического порядка, где опыт становится видимым через цепочку фиксаций, а профессиональные роли и границы между медицинским уходом и психотерапией оказываются подвижными.

II. Психиатрия / наблюдать за другими

Во втором разделе взгляд формируется как внешняя оптика — клиническая, институциональная, историческая и нормативная. Здесь наблюдение — это не фиксация, а производство статуса: оно именует и закрепляет «другого» как пациента.

Раздел открывают тексты, в которых критически пересматриваются основания психиатрической классификации, языка и терапевтической рациональности. Ирина Рыбакова и Мария Романюк в статье «*Безумные путешественники: концепция транзиторных расстройств Яна Хакинга*» предлагают обратиться к исторической онтологии. На примере концепции транзиторных расстройств авторы показывают, что в отдельных случаях диагноз становится «реальным» в результате ёформирования устойчивой конфигурации практик наблюдения, клинической валидации, институциональных правил и культурных сценариев самоописания. В статье Тимофея Крюковского и Анастасии Пантелеевой «*Язык как насилие — за пределами имманентности ортодоксальной психиатрии. К вопросу об эмерджентности симптома и трансцендентном в опыте пациента и специалиста*» классическая психиатрия анализируется прежде всего через ее дискурс: по мнению авторов, замкнутая система производит символическое насилие, конструируя патологическую идентичность и игнорируя онтологию пациента, что особенно заметно в случаях, связанных с насилием, а также коморбидностью заболеваний. В качестве альтернативы предлагается функциональный феноменологический подход, позволяющий мыслить симптом как эмерджентное свойство системы «пациент — среда» и экзистенциальное сообщение; работа смещается к преобразованию сети акторов и к поиску новых языковых моделей. Философский ракурс задает Александра Ильина в статье «*Боюсь, мне*

не вырваться”: болезнь и несвобода в психиатрии». Автор указывает, что несмотря на критику органической модели диагноза, институциональная практика по-прежнему опирается на фармакотерапию, а в качестве легитимной психотерапевтической интервенции чаще всего рассматривает КПТ. Анализируется, как КПТ формирует образ человека и его представление о свободе (болезнь понимается как ограничение мыслительной свободы, а исцеление — как возвращение способности мыслить «без ошибок»).

Это подводит нас к более общему вопросу о том, как и когда критика психиатрии действительно меняет институциональные режимы знания и власти — и где проходит граница между пересборкой языка и устойчивостью практик. В этом контексте перевод статьи Жан-Кристофа Коффена «*Два “мая 1968-го” в психиатрии*» (пер. Анны Бельчицкой) показывает, как критика психиатрии получила новый импульс после мая 1968-го, но предлагает понимать этот момент как перенастройку contestation, а не ее начало. В сравнительной перспективе (Франко Базалья — Анри Эй) обсуждаются разные траектории проблематизации психиатрической власти, медиализации и социальной нормализации поведения. Перевод статьи Элизабетты Бассо «*Клиническая эпистемология Людвига Бинсвангера (1881–1966): психиатрия как “наука о единичном”*» (пер. Марии Романюк), в свою очередь, возвращает нас к истокам экзистенциальной психиатрии: в центре оказывается напряжение между уникальностью опыта пациента и потребностью психиатрии в научном обобщении, а также практические следствия связанных с ним установок для клинического описания и интерпретации симптомов. Ивонн Вюббен («*Формирование клинического взгляда. Развитие учебников и описание клинических случаев в немецкоязычной психиатрии*», пер. Елизаветы Горловой) обращается к истории клинического наблюдения. Учебник предстает инструментом, задающим правила казуистического описания и определенный режим наблюдения: через организацию клинических случаев, типологизацию и установление связи между отдельными наблюдениями и обобщающими образами конструируются диагностические ориентиры и уточняется язык описания (ключевой пример здесь — «*Lehrbuch*» Эмиля Крепелина). Завершает раздел рецензия Карины Левитиной на книгу Хезер Мюррей «*Asylum Ways of Seeing: Psychiatric Patients, American Thought and Culture*» (2022). Автор показывает, как в США XX века менялось культурное восприятие пациентского опыта и как эмоциональная культура влияла на интерпретацию поведения пациентов; обсуждаются источники (от «терапевтического архива» до массовой культуры) и

ограничения архивной оптики.

Оба раздела, при всей разнице оптики, объединяет одно: пси-науки формируют не только знание, но и *условия видимости*, а вместе с ними — режимы ответственности и способы говорить о страдании. Самонаблюдение быстро становится институциональным, а клиническое наблюдение неизбежно затрагивает способы, посредством которых субъект учится видеть себя. Именно эта зона перехода и напряжения — между «наблюдать за собой» и «наблюдать за другими» — и составляет, на наш взгляд, продуктивное поле для эпистемологии пси-наук сегодня.

Редакция благодарит авторов, переводчиков, редакторов и рецензентов, а также всех коллег, участвовавших в обсуждении и подготовке выпуска.

Ирина Рыбакова, Мария Романюк